

АНАЛИТИЧЕСКАЯ
ЗАПИСКА

32 / 2020

Воздействие американо-китайского «расцепления» на мировую экономику и риски для России

Российский совет
по международным
делам

Сергей Афонцев

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Лавров С.В. — Председатель
Попечительского совета
Греф Г.О.
Дзасохов А.С.
Драчевский Л.В.
Дынкин А.А.
Комиссар М.В.
Косачев К.И.

Маргелов М.В.
Осипов Ю.С.
Приходько С.Э.
Торкунов А.В.
Фурсенко А.А.
Шохин А.Н.
Юргенс И.Ю.

ПРЕЗИДИУМ

Авен П.О.
Иванов И.С. — Президент РСМД
Кортунов А.В. — Генеральный директор РСМД
Лукьянов Ф.А.
Моргулов И.В.
Песков Д.С.

Выпускающие редакторы:

Тимофеев И.Н., к. полит. н.
Карпинская Е.О.
Кузьмина К.А.
Ларионова А.Н.
Теркина Д.А.

Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам» (НП РСМД) является основанной на членстве российской некоммерческой организацией. Деятельность РСМД направлена на укрепление мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение международных конфликтов и кризисное регулирование. Партнерство создано решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 02.02.2010 г. № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

УЧРЕДИТЕЛИ

Министерство иностранных дел Российской Федерации

Министерство образования и науки Российской Федерации

Российская академия наук

Российский союз промышленников и предпринимателей

Информационное агентство «Интерфакс»

МИССИЯ РСМД

Миссия РСМД заключается в содействии процветанию России через интеграцию в глобальный мир. РСМД — связующее звено между государством, экспертным сообществом, бизнесом и гражданским обществом в решении внешнеполитических задач.

Мнения, выраженные в этой публикации, могут не совпадать с позицией РСМД.

Источник фото на обложке: Vostock Photo.

Воздействие американо-китайского «расцепления» на мировую экономику и риски для России

Геополитика торжествует над экономикой

В отличие от рыночных процессов, воздействие которых на перспективы развития мировой экономики обычно носит долгосрочный характер и становится очевидным лишь по прошествии значительного времени, геополитические факторы в большинстве случаев оказывают на нее влияние быстрое, резкое, а порой и жестокое. При этом сложное многоцветье форм глобального экономического сотрудничества, на протяжении десятилетий возвращаемое «невидимой рукой» рынка при поддержке механизмов международной дипломатии, за считанные годы может быть уничтожено вполне видимыми действиями геополитических игроков. Начиная с 2014 г. мы имели возможность наглядно наблюдать развитие такого сценария на примере санкционного противостояния Российской Федерации с рядом ведущих стран мира. Однако при всей его чувствительности для отечественной экономики санкционное давление на Россию прошло практически незамеченным с точки зрения глобальной хозяйственной системы. Совсем иначе обстоит дело с потенциальными последствиями геополитического противостояния США и КНР, которое начиная с 2018 г. приобретает все более выраженное экономическое измерение.

На сегодняшний день нет недостатка в комментариях относительно того, какими мотивами руководствуются или могут руководствоваться политические элиты США в контексте ужесточения экономического давления на КНР, и на какие ответные меры может пойти Пекин в контексте эскалации геополитических трений. Равным образом, нет недостатка и в аргументах относительно того, оправдывают ли геополитические при-

оритеты и амбиции сторон те экономические потери, которые они могут понести в результате свертывания взаимных экономических связей, так или иначе неизбежного с учетом вводимых ограничений. Однако проблема имеет и чисто экономическое измерение. Каковы могут быть последствия дальнейшего развития геополитического противостояния США и КНР для мировой экономики и отдельных ее подсистем? Как изменится ресурсный потенциал участников противостояния? Будут ли при этом затронуты экономические интересы Российской Федерации? Данные вопросы представляются достаточно важными для того, чтобы, не входя в философские аспекты извечного спора между «златом и булатом» и не задаваясь вопросом о том, кто из них «более матери-истории ценен», изучить проблему сквозь призму экономического анализа и прогноза.

Для этого прежде всего необходимо идентифицировать возможные каналы влияния геополитического противостояния США и КНР на протекающие в мировом хозяйстве процессы.

Во-первых, это *непосредственное воздействие геополитически мотивированных регуляторных мер на экономики обеих стран*, связанное с сокращением торгово-инвестиционного сотрудничества, а также с разрывом цепочек добавленной стоимости, сформировавшихся к настоящему времени усилиями американских и китайских компаний, заинтересованных в нахождении оптимальной комбинации присущих двум странам факторов конкурентоспособности.

Во-вторых, это *косвенные экономические эффекты соответствующих ограничений*, затрагивающие экономики третьих стран, выступающих в роли торгово-инвестиционных партнеров США и КНР. Данные эффекты могут

АВТОР:

Афонцев Сергей Александрович, член-корреспондент Российской академии наук (РАН), заместитель директора Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), профессор МГИМО МИД России, член РСМД

проявляться, в частности, в изменении объемов и структуры спроса на продукцию соответствующих стран, в ревизии инвестиционных планов и проектов предоставления экономической помощи развитию, а также в прекращении участия компаний третьих стран в ликвидируемых цепочках добавленной стоимости, ранее сформированных с участием американских и китайских компаний.

В-третьих, это *косвенные санкционные эффекты, затрагивающие экономики третьих стран*. Характер соответствующих эффектов хорошо знаком российскому экспертному сообществу на примере «вторичных санкций» США против компаний, осуществляющих сотрудничество с Россией: фактически уже одни опасения попасть под ограничительные меры (не говоря о реальном применении самих этих мер) могут вести к масштабному свертыванию сотрудничества между попавшей под санкции страной и компаниями третьих стран.

В-четвертых, любое изменение темпов роста двух крупнейших экономик мира в условиях нарастания геополитических противоречий так или иначе скажется на динамике цен основных биржевых товаров и глобальных фондовых индексах. Поскольку такое изменение с наибольшей вероятностью окажется понижательным, *биржевой канал* влияния геополитических противоречий может стать одним из главных источников неопределенности для стран с развивающимися рынками, имеющими преимущественно сырьевую ориентацию экспорта.

Наконец, в-пятых, необходимо принимать во внимание динамику валютного курса вовлеченных в геополитическое противостояние стран. С учетом традиционно высокой чувствительности мировых рынков к валютным колебаниям, *валютный канал* трансмиссии геополитических решений в долгосрочной перспективе будет иметь принципиальное значение с точки зрения того, какая из сторон геополитического противостояния сможет выйти из него с минимальными потерями – и насколько при этом будут затронуты интересы третьих стран.

Много факторов, и все негативные

Первоочередной интерес в контексте оценки экономических последствий геополитического противостояния США и КНР представляет вопрос о влиянии этого противостояния на экономики соответствующих стран. До последнего времени анализ соответствующего вопроса был сфокусирован прежде всего на проблематике американо-китайской торговой войны. С весны 2020 г., однако, все труднее игнорировать сценарий, при котором геополитическое противостояние США и КНР затронет все значимые аспекты двустороннего сотрудничества, включая инвестиционные и технологические. С учетом суммарного веса обеих стран в мировой экономике, составившего в 2019 г. при подсчете в постоянных ценах по паритету покупательной способности 2017 г. 33,1% (из которых 17,3% приходится на КНР и лишь 15,8% – на США)¹, глобальные последствия пусть даже частичного разрыва экономических связей между ними окажутся более чем заметными.

Что касается американо-китайского торгового противостояния, то на деле оно является лишь одним из аспектов общего роста барьеров в мировой торговле, спровоцированного «протекционистским разворотом» в торговой политике США. По данным Всемирной торговой организации (ВТО)², в период с июля по ноябрь 2018 г. объем мировой торговли, охватываемой вновь вводимыми импортными барьерами стран «Группы двадцати», увеличился по сравнению с предшествующим периодом наблюдений (ноябрь 2017 г. – июль 2018 г.) в 6,5 раз, достигнув беспрецедентного уровня 481 млрд долл. В дальнейшем соответствующий показатель колебался в диапазоне 336–460 млрд долл. и с ноября 2019 г. по май 2020 г. составил 418 млрд долл.³ При этом, хотя совокупный объем мировой торговли, на который распространяются введенные начиная с 2009 г. странами «Группы двадцати» ограничительные меры против импорта, составил в 2019 г. 1,57 трлн долл. (порядка 8% мировой торговли товарами), менее 47% от этой суммы

¹ GDP, PPP (constant 2017 international \$) // The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.KD>

² Report on G20 Trade Measures (Mid-October 2019 to Mid-May 2020) // WTO. 29.06.2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/report_trdev_jun20_e.pdf

³ Ibid. P. 6.

приходится на объемы американско-китайской торговли, которые, согласно официальным заявлениям, должны быть затронуты ограничениями (550 млрд долл. китайского экспорта в США и 185 млрд долл. американского экспорта в КНР). Ирония ситуации состоит в том, что объемы торговли США с КНР в 2019 г. были заметно ниже соответствующих показателей (452,2 млрд долл. импорта⁴ и 106,6 млрд долл. экспорта⁵). Прогнозы «от достигнутого» дали далекие от реальности результаты. В отличие от быстрого роста объемов двусторонней торговли в период 2012–2017 гг. (когда американский экспорт в КНР вырос на 25%, а импорт из КНР – на 27%⁶), динамика последних лет была понижательной: в 2017–2019 гг. объемы американского экспорта в КНР сократились на 18,0%, импорта – на 10,5%. В 2020 г., с учетом эпидемии коронавируса и обострения двусторонних отношений между странами, спад может оказаться еще более значительным. В этих условиях оказывается, что – пусть сугубо арифметически – уже введенные ограничительные меры в ближайшие годы будут охватывать всю американско-китайскую торговлю, и ожидается продолжение негативных тенденций.

Экономика КНР, безусловно, окажется главной проигравшей стороной в результате такого развития событий. Свертывание связей с ведущим торговым партнером, на которого приходилось 22,3% китайского экспорта в 2017 г. (и 18,1% – в 2019 г.), неизбежно скажется на перспективах экономического роста страны. Экономика США, впрочем, также будет затронута. Американские компании инвестировали в КНР и налаживали связи с китайскими фирмами отнюдь не с целью развития дефицита в американской внешней торговле, их стратегия заключалась в оптимальном географическом размещении звеньев технологических цепочек, позволяющем обеспечивать максимальную конкурентоспособность выпускаемой продук-

ции. И хотя привлекательность такой стратегии к началу торговой войны заметно снизилась ввиду повышения реальной заработной платы в КНР (примерно в два раза за 2008–2017 гг.⁷), роста конкуренции со стороны усилившихся китайских компаний в промышленности и активному (легальному и нелегальному) заимствованию технологий, ее потенциал едва ли может считаться исчерпанным. Согласно оценкам *Oxford Economics*, по состоянию на 2015 г. экономические связи с КНР обеспечивали рабочие места для более чем 2,55 млн американцев (в том числе 1,48 млн – за счет экспорта товаров в КНР и 104 тыс. – за счет китайских прямых инвестиций в США), а вклад соответствующих связей в ВВП США составлял 1,2 процентных пункта⁸. При этом тесная интегрированность китайских производителей в производственно-сбытовые цепочки американских компаний может сделать их разрыв весьма болезненным за счет того, что объем добавленной стоимости, созданной в КНР, часто оказывается в разы меньше стоимости американских комплектующих, использованных китайской компанией – производителем финального продукта (в известном случае смартфонов *Apple* этот разрыв мог составлять более чем восемь раз)⁹.

В среднесрочной перспективе разрыв американско-китайских цепочек добавленной стоимости может оказать разнонаправленное воздействие на интересы третьих стран. С одной стороны, участники уже существующих цепочек могут оказаться под ударом, с другой стороны – многие игроки будут стремиться «перехватить» американские инвестиции и контракты. С гораздо большей степенью уверенности можно прогнозировать заметный ущерб интересам стран – экономических партнеров КНР. Замедление роста китайской экономики с неизбежностью скажется на объемах (и ценах) закупок сырьевой продукции, что не обещает ничего хорошего

⁴ Volume of U.S. Imports of Trade Goods from China from 1985 to 2019 (in billion U.S. dollars) // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/187675/volume-of-us-imports-of-trade-goods-from-china-since-1985/>

⁵ Ranking of the Top Trading Partners of the United States for Trade Goods in 2019, by Export Value // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/186592/ranking-of-the-largest-trading-partners-for-us-exports-in-2019/>

⁶ Trends in Trade: U.S.–China Goods Trade 2012–2017 // U.S.–China Economic and Security Review Commission. Staff Research Report. 19.06.2018. URL: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Trends%20in%20Trade%20Staff%20Report.pdf>

⁷ Global Wage Report 2018/19 // ILO. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_650553.pdf

⁸ Understanding the US-China Trade Relationship. Prepared for the US-China Business Council by Oxford Economics // The US China Business Council. 01.2017. URL: <https://www.uschina.org/sites/default/files/Oxford%20Economics%20US%20Jobs%20and%20China%20Trade%20Report.pdf>

⁹ Meltzer J.P. and Shenai N. The US-China Economic Relationship. A Comprehensive Approach // Global Economy and Development at Brookings. 02.2019. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/02/us_china_economic_relationship.pdf

для латиноамериканских, африканских и тихоокеанских (включая Австралию) экспортеров сырья. Кроме того, растущее давление на китайскую экономику, равно как и ее проблемы, связанные с этим давлением, угрожают дальнейшим падением объемов китайских инвестиций за рубежом. По данным проекта *China Global Investment Tracker*¹⁰, объемы прямых китайских инвестиций (включая инвестиции в строительство) в США упали с 53,12 млрд долл. в 2016 г. до 4,55 млрд долл. в 2019 г. За тот же период инвестиции в страны, участвующие в Инициативе пояса и пути, сократились в годовом выражении с 117,43 до 106,15 млрд долл. (в том числе в Пакистан, рассматриваемый в качестве важнейшего военного партнера КНР, – с 10,64 до 5,37 млрд долл.), в страны Южной Америки – с 19,44 до 12,82 млрд долл., в страны Африки южнее Сахары – с 25,95 до 20,96 млрд долл., в Австралию – с 8,34 до 3,66 млрд долл. С учетом того, что в 2020 г. на данный понижательный тренд дополнительно наложился негативный эффект пандемии коронавируса, расчеты многих стран с развивающимися рынками на китайские инвестиции как источник экономического роста становятся все более призрачными.

Ситуация может еще более ухудшиться в том случае, если в ближайшие месяцы будет реализован санкционный потенциал, заложенный в подписанных Д. Трампом 14 июля 2020 г. Законе об автономии Гонконга¹¹ и Исполнительном указе «О нормализации ситуации в Гонконге»¹². Как показывает практика американского санкционного давления на Российскую Федерацию, администрация США охотно использует тактику «затягивания петли» для поэтапного наращивания давления. Наиболее вероятный сценарий развития событий связан с поочередным (но в непредсказуемой последовательности и с непредсказуемыми интервалами времени) введением санкций против крупнейших государственных банков КНР на основании совершения «значительных сделок зарубежным лицом», подозреваемым в ущемлении автономии Гонконга. Поскольку

таким «лицом» может быть признан любой представитель китайской политической элиты, под санкции может попасть практически любой крупный китайский банк. Это будет означать не только лишение доступа к займам американских финансовых институтов (что, по большому счету, не так уж важно для китайских банков) и запрет на операции с валютой (что может быть гораздо более болезненно в контексте отношений с корреспондентскими банками в США), но и статус «токсичного партнера», взаимодействие с которым может оказаться чреватым введением вторичных санкций для зарубежных хозяйствующих субъектов. В том, что нормативная база применения подобных вторичных санкций может быть создана в кратчайшие сроки, нет никаких сомнений. В результате очень скоро многочисленные неазиатские участники проектов в рамках Инициативы пояса и пути неожиданно для себя могут столкнуться с угрозой американских санкций за взаимодействие с китайскими инвесторами.

Растет давление и на технологический сектор китайской экономики. Обвинения в краже технологий, распространение на Гонконг американских ограничений в сфере технологического экспорта, применяемых к материковому Китаю, и запрет на предоставление государственных контрактов компаниям, использующим определенные виды оборудования пяти крупнейших китайских компаний-производителей, включая *Huawei* и *ZTE*¹³, являются лишь первыми мазками картины, задуманной поборниками идеи сохранения «глобального технологического лидерства США». И по мере того, как ее контуры будут становиться все более четкими, КНР будет все труднее удерживать высокие темпы технологического развития, а китайским компаниям-лидерам – все труднее бороться с навязываемым им статусом «токсичных партнеров».

Еще одна неприятная для руководства КНР новость заключается в том, что эскалация геополитического противостояния делает практически неосуществимыми надежды

¹⁰ China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/>

¹¹ H.R.7440 – Hong Kong Autonomy Act // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7440/text>

¹² The President's Executive Order on Hong Kong Normalization // The White House. 14.07.2020. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidents-executive-order-hong-kong-normalization/>

¹³ Federal Acquisition Regulation: Prohibition on Contracting with Entities Using Certain Telecommunications and Video Surveillance Services or Equipment. Interim Rule // U.S. Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2020-07-14/pdf/2020-15293.pdf?utm_campaign=subscription+mailing+list&utm_source=federalregister.gov&utm_medium=email

на придание юаню статуса международной резервной валюты. Чтобы претендовать на соответствующий статус, национальная денежная единица должна (1) иметь устойчивый рыночно определяемый курс, (2) обслуживать значительный объем международных валютных операций и (3) являться валютой, в которой номинированы надежные, пользующиеся высоким спросом на глобальных финансовых рынках суверенные долговые обязательства (подобно краткосрочным обязательствам Казначейства США – *T-bills*, составляющим на сегодняшний день значительную часть резервов центральных банков). По данным Банка международных расчетов¹⁴, с 2001 г. по 2019 г. доля юаня в международных валютных операциях увеличилась с 0% до 4%, в то время как его доля во внебиржевой торговле процентными деривативами в 2013–2019 гг. не превышала 1%. Для сравнения, по доллару США соответствующие показатели в 2019 г. составляли 88% и 50%, евро – 32% и 24%, британскому фунту – 13% и 8%, японской иене – 17% и 3%, и даже по австралийскому доллару – 7% и 6% (по рублю – 1% и 0%, соответственно). Даже если планы руководства КНР по сокращению доли доллара США в международных резервах будут реализованы, удар по международным позициям доллара окажется намного менее болезненным, чем удар по юаню – при том, что с начала 2018 г. по конец июля 2020 г. курс юаня к доллару уже упал более чем на 10% (с 6,29 до 7,02 юаня за доллар). В ближайшие годы не ожидается увеличения желающих держать резервные активы в валюте, курс к доллару которой падает и которая не имеет перспектив к расширению обслуживания международных операций при нарастании геополитического давления. Разумеется, геополитически мотивированные решения о размещении резервных активов в юанях вполне возможны, однако они не обосновываются экономической рациональностью.

По гамбургскому счету

В конце 2019 г. – еще до развертывания кризисных процессов, связанных с пандемией

коронавируса, – нарастание международных торговых противоречий рассматривалось как один из главных факторов, угрожающих перспективам экономического роста. Расчеты того периода предполагали, что скатывание мировой экономики в сторону протекционизма и начало полномасштабных торговых войн может привести к не менее 1,5 процентного пункта упущенного роста глобального ВВП¹⁵, причем вклад взаимных барьеров США и КНР в это замедление оценивался на уровне 0,8–0,9 процентного пункта. В настоящее время эти оценки могут быть уточнены. Во-первых, как было сказано выше, противостояние между США и КНР все решительнее выходит за рамки торговой войны, захватывая вопросы инвестиционно-технологического взаимодействия и имея все шансы перерасти в обмен санкционными ударами. Во-вторых, дополнительную глубину геополитическим шокам придает их наложение на пандемию коронавируса, которая уже привела к радикальному пересмотру прогнозов развития мировой экономики. В этих условиях просматриваются два сценария развития событий.

В случае, если дело ограничится разрывом подписанного в начале 2020 г. предварительного (*Phase One*) торгового соглашения между США и КНР¹⁶ и введением новых двусторонних торгово-инвестиционных барьеров без обращения к санкционному инструментарию, китайская экономика может в 2020 г. потерять (дополнительно к потерям от коронавируса) около 1,3 процентного пункта роста ВВП. Потери американской экономики окажутся заметно меньше (в диапазоне 0,3–0,4 процентного пункта роста ВВП), но с учетом косвенных негативных последствий для третьих стран мировая экономика в целом рискует потерять около 0,8 процентного пункта роста, что соответствует нижней границе оценок на 2019 г. вклада геополитического противостояния США и КНР в замедление глобального ВВП. Однако в условиях коронавирусного кризиса эти дополнительные потери будут заметно более болезненными, еще сильнее углубив спад мировой экономики, базовый прогноз которого по июньским оценкам МВФ составляет

¹⁴ Triennial Central Bank Survey of Foreign Exchange and Over-the-counter (OTC) Derivatives Markets in 2019 // Bank for International Settlements. URL: <https://www.bis.org/statistics/rpfx19.htm>

¹⁵ Афонцев С. Протекционизм, геополитика и замедление мировой экономики. Год планеты: экономика, политика, безопасность. Ежегодник. М.: ИМЭМО РАН, 2019. С. 34.

¹⁶ Economic and Trade Agreement between the United States of America and the People's Republic of China. Phase One. // CNBC LLC. 15.01.2020. URL: https://fm.cnbcc.com/applications/cnbc.com/resources/editorialfiles/2020/01/15/US-China-Trade-Agreement_1-14-20.pdf

-4,9%¹⁷, и поставив китайскую экономику на грань рецессии (базовый прогноз МВФ предусматривает ее рост всего на 1%, который может быть поглощен геополитическими трениями).

Еще более разрушительными могут оказаться последствия выхода американо-китайского противостояния на санкционный уровень. И если потери США за счет разрыва цепочек добавленной стоимости с КНР в этом случае могут достигнуть 0,6 процентного пункта ВВП, то для КНР ущерб в краткосрочном периоде может достичь 1,6–1,8 процентного пункта ВВП. С учетом масштабов американской экономики, заместить ее в качестве рынка сбыта, партнера по производственным цепочкам и источника технологических инноваций быстро не получится, а с учетом превращения попавших под санкции и находящихся в зоне риска китайских компаний в «токсичных партнеров» для третьих стран перспективы минимизации этого ущерба оказываются далекими от оптимистичных. Впрочем, для третьих стран последний фактор также окажется весьма чувствительным, что в совокупности с последствиями замедления китайской экономики для спроса КНР на сырьевые товары и экспорта инвестиций из КНР может стоить им 0,9–1,0 процентного пункта упущенного роста ВВП. В целом реализация этого сценария чревата замедлением роста глобального ВВП на 1,0–1,1 процентного пункта. С потерями мировой экономики от коронавируса это, конечно, несопоставимо, но и признать их незначительными невозможно.

С точки зрения российской экономики, главным фактором риска в контексте американо-китайского противостояния является понижающее давление на глобальный сырьевой рынок, связанное с замедлением роста китайской экономики. Это чревато не только сокращением бюджетных поступлений и ресурсов для развития (в частности в контексте реализации проекта «Сила Сибири», даже при нынешних ценах на природный газ имеющего проблемные перспективы окупаемости), но и нарастанием волатильности валютного курса рубля, в начале 2020 г. уже показавшего одну из самых низких среди мировых валют степеней устойчивости к негативным импульсам с мировых рынков¹⁸.

Отток капиталов с развивающихся рынков, неизбежный в случае обострения американо-китайских отношений, выступит дополнительным негативным фактором. Данные эффекты могут быть частично компенсированы интенсификацией сотрудничества с китайскими компаниями, заинтересованными в расширении круга партнеров по мере нарастания давления со стороны США. Тем не менее значимость данного фактора будет в решающей степени зависеть от готовности российских производителей к включению в формируемые китайскими компаниями цепочки добавленной стоимости, а также от готовности российских регуляторов допустить масштабное создание соответствующих цепочек на российской территории. До нынешних пор к такого рода цепочкам, ориентированным преимущественно на создание продукции для обслуживания внутреннего российского рынка, российские регуляторы относились с осторожностью, не без оснований усматривая в них угрозу для отечественных компаний. Данная позиция сегодня успешно транслируется как в национальные регуляторные решения, так и в решения, принимаемые на уровне Евразийского экономического союза, и нет оснований полагать, что от нее планируется отказаться.

На этом фоне безусловно предпочтительным является реализация проектов технологического сотрудничества, потенциально способных обеспечить создание новых продуктов, конкурентоспособных на мировых рынках. Главными препятствиями являются ограниченность круга российских компаний, сотрудничество с которыми представляет интерес для потенциальных китайских партнеров с учетом достигнутого последними технологического уровня, а также санкционные угрозы для российских – а в скором времени, вероятно, и китайских – технологических компаний. В этих условиях негативные эффекты противостояния США и КНР для российской экономики с высокой степенью вероятности возобладают над позитивными, хотя едва ли их чистый вклад в замедление роста российского ВВП превысит 0,2–0,3 процентного пункта.

Приведенные выше оценки относятся к ближайшим последствиям ухудшения амери-

¹⁷ World Economic Outlook. June 2020 // IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020>

¹⁸ Financial Global Stability Report // IMF. 04.2020.

URL: <https://www.imf.org/en/Publications/GFSR/Issues/2020/04/14/global-financial-stability-report-april-2020>

кано-китайских экономических отношений, однако на сегодняшний день уже не вызывает сомнений, что оно будет оказывать длительное влияние на мировую экономику. В этом контексте представляется целесообразным вспомнить характер российско-китайских экспертных дискуссий в начальный период санкционного давления на Россию (2014–2015 гг.), когда для российских участников были характерны надежды на скорейшее восстановление пострадавших от санкций экономических связей, а для китайских – убеждение, что с американо-китайскими отношениями

такое развитие событий невозможно. Их ожидания не оправдались. В 2018 г. некоторые китайские эксперты тоже выражали надежду на скорое урегулирование противоречий с США, мотивируя это высокой взаимозависимостью двух экономик. Как показал опыт, с точки зрения игроков, руководствующихся геополитическими приоритетами, такая взаимозависимость является не смягчающим, а отягчающим проблему обстоятельством. Соперничество США и Китая будет носить долгосрочный характер и окажет негативное влияние на мировую экономику.

РСМД

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс.: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru